

РЕЛИГИОЗНО-ЯЗЫЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИЗБЫ СЛАВЯНИНА

А.Н. Афанасьев, 1851

Славянин вследствие естественных условий, определивших первоначальное развитие его быта, был по преимуществу человеком домовитым, семейным. В кругу родной семьи или рода, который представлялся тою же семьею, только разросшеюся, проходила вся его жизнь, со всем ее обиходом и со всеми торжествами; в семье сосредоточивались самые живые его интересы и хранились самые заветные предания и верования. Оттого изба, в которой жило семейство славянина, имела для него великое значение. Как место, свидетельствующее о быте предков, изба должна была пользоваться и особенным почетом; но, кроме того, изба была местом пребывания пената и совершения различных религиозных обрядов. Любопытно проследить те языческие верования, какие славянин связал с своим жилищем.

Свидетельствуя о первоначальном быте славян, Нестор говорит, что они жили родами; каждый род на своем месте — особе, то есть разъединенно. Отдельный род представлялся сожитием вместе нескольких семей, связанных кровными узами родства и властью единого родоначальника. Поздние остатки от такого патриархального быта, принадлежавшего глубокой древности, до сих пор встречаются в некоторых славянских племенах, мало или вовсе не испытавших влияния цивилизации. Еще теперь жилища сербов представляются рассеянными по долинам и холмам; каждое жилище составляет свой отдельный мир, и сообщения между этими хилыми местами довольно затруднительны. Сербские семьи, принадлежащие к одному роду, живут вместе: каждый сын приводит свою жену под отцовский кров, получая отдельную комнату, но для всех, и для старых и для молодых, очаг и стол один. Все члены огромной семьи живут, как рой пчел в одном улье; разделы неизвестны. В Славонии сохраняется тот же патриархальный быт. Члены семейства живут нераздельно - вместе, под управлением одного домовладыки (господаря), потому там часто встречаешь семейство, состоящее из шестидесяти и более душ и проживающее в одном доме: Каждая соединенная браком чета живет в особенной клетке; но так как клетки построены без печей, то на зиму все перебираются в одну общую теплую избу, причем каждая чета переносит и свою кровать, таким образом, в избе собирается кроватей до двенадцати и более. Господарь и господарица (родоначальник и жена его) управляют домом, распределяя между всеми его членами различные занятия; имущество составляет общую собственность. О славянах фриульских мы имеем следующее любопытное известие: большею частью они живут, не разделяясь, по несколько женатых сыновей и замужних дочерей вместе. Изба у них всегда черная, закоптелая от дыма (то есть курная); утром и вечером, когда топится печь, она наполняется дымом. Кругом избы стоят лавки, а в середине или в стороне каменный помост, на котором раскладывается огонь. Над этим помостом или очагом висит котел, в котором готовится для всего семейства общая пища. Рядом с такою теплою избою стоит другая, без печи и с постелью.

Вспомним житье великорусской крестьянской семьи, и мы найдем много общего с приведенными нами описаниями. «У русских,— говорит покойник Пассек,- есть семейства из пяти и шести женатых братьев, которые с женами и детьми живут в одной избе или, по крайней мере, на одном дворе; все заодно работают и все повинуются или старшему брату, или отцу, или даже деду, который часто едва двигается с места, но не отрекается от семейной власти, от своего первенства. Все невестки в послушании у одной старшей или у самой матери их мужей. Таким образом, в избе помещается несколько поколений. Избы у русских крестьян часто попадают курные: дым выходит в волоковое окно или у растворенную дверь. Большая печь в углу и полати составляют необходимую принадлежность всякой избы.

Интерьер крестьянского жилища на Русском Севере. Современная фотография.

Из представленных сейчас указаний наглядно раскрываются некоторые характеристические черты древнейшего первоначального быта славян. Они селились разъединенными, обособленными родами. Каждый род, соединявший в себе несколько родственных семейств, помещался в одной избе или, если слишком размножался, в нескольких холодных срубках (клетях), построенных вблизи теплой избы или даже пристроенных к ее стенам. Во всяком случае очаг оставался единый для всех, а приготовленная на нем пища составляла общий обед и ужин. Явление это весьма знаменательно. В отдаленное время язычества огонь, разведенный на домашнем очаге, почитался божеством, охраняющим обилие дома, спокойствие и счастье всех членов семьи или рода. От огня, возжигаемого на очаге, обожание должно было перейти на самый очаг, оба эти понятия действительно слились в одно представление родового пената. Таков характер первоначальных народных верований, которые чужды строгого анализа и обыкновенно сливаются явления, хотя различные, но почему-либо тесно связанные между собою. Старинная загадка, означающая печь, огонь и дым, все эти понятия представляет в близкой родственной связи. Загадка эта произносится так: мать толста, дочь красна, а сын под облака ушел. В глубокой древности каждый род у славян имел своего пената, и этим пенатом был очаг.

Традиционные типы жилища:

Северные и центральные районы

Пермская область и южные районы

Западные районы и Кубань

Разумеется, если род делался через нарождение слишком велик, то несколько семей могли отделиться от него и основать свое особое жилье с своим очагом. В религиозном значении очага кроется филологическое и археологическое объяснение многих слов и понятий, принадлежащих нашему языку и тесно связанных с предметом настоящей статьи. Создаваясь в эпоху образования языческих верований, слово запечатлело в себе характеристику древнейших представлений. Название изба первоначально означало только ту теплую часть жилища, в которой был поставлен очаг, а потому необходимо отличать избу от светлицы (клетки); последняя всегда строится через сени, насупротив первой. Изба, в древнем языке Нестора - истопка (истба), происходит от глагола топить (из-топить). Славянин дал своему жилищу название от того священного, в глазах язычника, действия, которое совершается на очаге. Точно так же слово дым у Нестора и даже теперь в некоторых провинциальных наречиях употребляется в значении дома, жилища. Такое название, кроме религиозного смысла, обращает на себя внимание по своей меткости, потому что избы у славян долгое время были курные (без труб). В связи с этим название огнищанин, означающее главу рода, происходит от слова огнище (огниско), которое во многих славянских наречиях употребляется в смысле горна, очага, а в лужицком и польском в смысле дома, жилища. Огнищанин владетель дома, или, еще ближе, владетель очага. От этих данных мы приходим к тому простому заключению, что вся изба в глазах славянина-язычника получила особенное освящение от очага. Большой или меньший почет к различным частям и атрибутам избы обуславливался большею или меньшею связью их с этим пенатом, охраняющим счастье целого дома. Очаг домашний был самое священное место; от него религиозный характер перешел на все жилище, в стенах которого возжигался на очаге обожествленный огонь. Изба для славянина была поэтому не только домом, в обиходном смысле этого слова, местом жилья; она представлялась ему таинственным капищем, в котором пребывало благотворное светлое божество очага и в котором совершались обряды в честь этого пената. Изба была первым языческим храмом. Оттого слова хоромы (дом, жилище) и храм (освященное место богослужения) — филологически тождественны.

Действительно, первые жертвоприношения, первая мольба и первые религиозные очищения совершались в избе, пред очагом, что довольно ясно подтверждается остатками дошедших до нас обрядов. Огонь в домашней печи можно поддерживать только приношением разных сгораемых материалов, пожираемых пламенем: отсюда простым и естественным образом явилась жертва очагу. Наиболее торжественным жертвоприношением чтили очаг при повороте солнца на лето, когда зажигали в домашней печи с особенными обрядами бадняк, а в разведенный огонь бросали хлебные зерна и лили масло, испрашивая обилия в доме и плодородия в жатвах и стадах. Затем вся семья садилась за стол, и вечер, по неперемennomu обрядовому закону, оканчивался пиром. После ужина разбивали о землю опорожненные горшки, чтоб (по народному объяснению) прогнать из дому всякий недостаток. Горшок, в котором переносят на новоселье горячие уголья

очага, также разбивается: как освященная участием в религиозном обряде, посуда эта должна быть изъята из обиходного употребления. По всему вероятно, из этих обрядов родилась примета, по которой разбить на пиру что-нибудь из посуды предвещает счастье. Что первоначальные жертвоприношения принадлежали очагу — это убедительно доказывается тем фактом, что атрибуты кухни и очага — кочерга, помело, голик, ухват, лопата, сковорода и проч., получили значение орудий жертвенных и удержали это значение даже до поздней эпохи языческого развития. Огонь очага прогоняет нечистую силу холода и мрака, а потому пред этим родовым пенатом производилось религиозное очищение, освобождающее от враждебных влияний темной силы. Так, от лихоманок и других болезней в простонародье лечат больного перед печью, окуривая его дымом, или дают больному выпить и умыться, наговоренной воды, смешанной с углем и золою. Той же водой смывают у дверей притолоки и косяки, чтоб не могли забраться в избу лихоманки и другие болести. Жертвоприношения и очищения должны были сопровождаться и в самом деле сопровождались мольбою и другими обрядами язычества, гаданием и судом. При народном врачевании читаются над золою и углем заговоры — эти старинные прошения, обращенные к божествам; при возжении бадняка молят очаг о ниспослании урожая и довольства; по пламени очага, по расположению дров, горящих в печи, по искрам, разлетающимся от удара кочергой, по головням, золе и зажженным лучинам гадают о будущем богатстве, плодородии и счастье; наконец, до сих пор сохранился следующий обряд, по которому узнают виноватого: созывают всех подозреваемых в проступке и дают им зажженные лучины одинаковой меры: чья лучина скорее сгорит, тот виноват. Обожествленная стихия огня сама произносит а этом случае приговор, который почитается вполне истинным.

Изба, служившая первоначальным местом совершения религиозных обрядов, кроме постоянного пребывания в ней очага, освящалась еще нисхождением в нее других светлых богов. Сила жертвы и молений была так велика, что божества, призываемые славянином, оставляли небо и нисходили к нему в избу вкушать от жертвенных приношений, сожигаемых на очаге, и помогать в беде человеку. Славянин глубоко верил в силу заповедного слова своей мольбы и не раз обращался к небесным божествам света с таким призывом: «Месяц ты красный, сойди в мою клеть, солнышко ты привольное, взойти на мой двор», или: «Сойди, ты, месяц,ними мою скорбь и унеси ее под облака». Отсюда родилось верование, что в избе может таинственно присутствовать вся боготворимая сила природы, или, по выражению старинной песни:

Чудо в тереме показалось

На небе солнце, в тереме солнце,

На небе месяц, в тереме месяц,

На небе звезды, в тереме звезды,

На небе заря, в тереме заря.

И вся красота поднебесная

Известно, что через трубу посещал избу огненный змеи (персонификация молнии).

Таким религиозным значением избы легко объясняется славянское гостеприимство. Всякий странник, гость, вошедший под кров избы славянина, вступал под защиту очага. Нанести ему обиду — значило нарушить уважение к святыне избы, этого первоначального храма. Даже враг, преступник, прибежавший к очагу, оставался неприкосновенным, потому что пролить кровь в

избе представлялось самым ужасным грехом. У горцев враг-убийца, случайно зашедший под кров обиженного им рода, принимается с обычным почетом, несмотря на то, что долг требует кровавой мести; но когда он оставит гостеприимный кров — вдали от избы, его настигает пуля местника.

При дальнейшем развитии язычества, когда начался антропоморфизм, очаг олицетворился в дедушку-домового, которого народ представляет себе так: домовый любит принимать разные виды; но обыкновенно он является плотным, не очень рослым стариком, в коротком смуром зипуне или синем кафтане, с алым поясом — иногда же в одной рубахе; у него порядочная седая борода; волосы острижены в скобу, но косматы и застилают лицо; голос суровый и глухой; он любит браниться и употребляет при этом выражения чисто народные. Кто в этом изображении не узнает типа русского мужика? Миф, воплощаясь в образ, следовал живой действительности и до сих пор остался ей верен. Самое название домового уже показывает, что это пенат-охранитель дома, каким в первоначальной форме являлся очаг. Оттого в каждом доме и бане, на каждой мельнице и винокурне непременно есть свой домовый. Тождество домового с очагом доказывается многими дошедшими до нас поверьями и обрядами; кроме того, характеристические черты их религиозно-языческого значения одинаковы. При переходе в другой дом хозяева, призывая домового на новоселье, берут из печи старого своего жилья горячие уголья и переносят их на новый очаг. Представления, нераздельные с очагом, должны были необходимо перейти на домового, как на его персонификацию. Так, домовый главным образом живет под или за печкою, куда кладут для него маленькие хлебцы, домовый любит высекать огонь; он не боится мороза и потому ходит без шапки. Увидеть домового в шапке — самый худой и печальный знак. Если домовый давит, то чувствуешь, как на все тело налегает что-то жаркое. Наконец, видимая связь домового с очагом высказывается в том поверье, что домовый чаще всего принимает вид трубочиста. Как все божества света и тепла представлялись у славян покрытыми шерстью (руном), так и домовый. Народ верил, что домовый весь оброс мягким пушком; даже ладони и подошвы у него мохнатые; только лицо около глаз и носа нагое. Мохнатые подошвы его обозначаются зимою по следу; а ладонью домовый гладит по ночам спящих, которые чувствуют, как шерстит его рука. Если домовый гладит мягкою и теплою рукою, то предвещает счастье и богатство, а если холодной и щетинистой — то быть худу. С таким представлением домового косматым находится в связи следующее поверье: кто хочет видеть домового, тот может видеть его на Пасху в коровнике или хлеве, где он сидит в углу притаившись.

Как представителя стихии света и тепла домового языческое верование сблизило с петухом. Петух — птица, приветствующая восход солнца; своим напевом она как бы призывает это животворящее светило и прогоняет нечистую силу мрака, ночи. По крику петуха простой народ считает время и заключает о ведре и непогоде. Слово куром (творительный от кур — петух) в летописях употребляется для означении того раннего времени, когда запевают петухи. В Малороссии кочета называют певнем, потому что пение (крик) его народ считает за самый существенный признак. В языческой религиозной системе петух признавался птицею солнца и очага, как земного представителя солнечной теплоты и света. Что петух был символом очага, его атрибутом - ясно свидетельствуют некоторые народные пословицы и загадки, эти сохранившиеся обломки древнего мифического языка. Загадка: «Красный кочеток по нашестке бежит» - означает огонь; загадка: «Красненький петушок по жердочке скачет» - означает горящую лучину; загадка: «Пивекъ спива поки з заранья, а дали спить, аж потие» — означает печку, очаг. Ясно, что слова кочет, петух, певень служили метафорическим обозначением огня, печи, очага. Основанием такому обозначению послужило древнейшее языческое верование. У скандинавов петух также считался символом огня, на что указывает старинная датская поговорка о пожаре: «Красный петух

на кровле пост». У нас существует весьма знаменательная поговорка: "И петух на своем пепелище храбрится (на своем пепелище и курица гребет)". Здесь прямо высказана тесная связь петуха с пепелищем, под которым разумеется изба и очаг; сравните: огонь - огнище, пепел—пепелище. Теперь становится вполне понятным, почему домовый нисколько не стесняется петушиным криком, которого так боится вся нечистая сила.

Домовой, мифический образ очага, принял на себя все религиозно-языческое значение последнего; он явился благотворным пенатом, охраняющим счастье дома и живущей в нем семьи, блюстителем ее интересов и защитником ее благосостояния. Как настоящий хозяин, именем которого чтят его в народе, домовый присматривает за всем в доме, сочувствует и семейной радости и семейному горю. Когда умирает кто-либо в семье, домовый воет ночью, выражая тем свою печаль; смерть хозяина он предвещает наперед, садясь за его работу и надевая себе на голову шапку.

Обожанием очага условливалось совершение особенных, религиозных обрядов при закладке нового жилья и при переходе на новоселье. Место, избранное для жилья, требовало освящения, потому что всякая изба назначалась быть капищем родового пената. Надо было, чтоб охранительная сила этого пената перешла в новоизбранное место. Между нашими крестьянами еще недавно сохранился следующий обряд, очевидно принадлежащий глубокой старине: перед постройкою дома, ради будущей счастливой и здоровой в нем жизни, хозяин с хозяйкою приходили на место, назначенное для нового жилья, отрубали у петуха голову и зарывали ее в том пункте, где определялось быть переднему углу. Обряд этот совершался тайно; в нем нельзя не увидеть жертвоприношения очагу (домовому), совершавшегося перед постройкою новой избы. В жертву закололи петуха, самую почетную и любимую домовым птицу; пролитием ее крови освящалось избранное место и призывалось на него покровительство пената. Изба таким образом строилась на петушьей голове, которая полагалась в переднем углу. Здесь необходимо указать на значение этого угла. Вообще славянин питал особенное уважение ко всем углам избы — и понятно почему: углы обозначают собою те главные пункты, в которых сходятся стены избы; углы определяют ее границы, а в этих границах только и ощущается благотворное влияние от теплоты и света очага. Отсюда объясняется, почему обряды, совершаемые по углам дома и даже двора, народ связал с верованиями в домового, охраняющего пределы семейных или родовых владений. Так, чтоб умилостивить домового — по всем углам избы и двора обкуривают медвежьей шерстью, с произнесением заговора. Обряды эти имеют в виду водворить в доме порядок и спокойствие. Но два угла: задний, в котором поставляется печь, и передний, диагонально противоположный первому углу, пользовались самым большим почетом. Названные два угла представляют те главные точки, которыми обозначалось пространство будущей избы: определив точку очага, необходимо было определить еще точку того переднего угла, о котором сейчас сказано — и границы избы, искони строившейся четверугольником (клеткою, клетью), получали известность. Такой передний угол называется большим и красным, то есть главным, светлым, и пользуется особенным уважением. Место на лавке в переднем большом углу называется также большим и княжетским, сюда сажают самых именитых гостей, старших родственников, молодого князя и молодую княгиню после венца; в этом углу стоит всегда стол, за которым совершается трапеза; когда семья садится обедать или ужинать, то большое место занимает старший в семье: дед, отец или старший брат. Встречаем еще в избе название кут (по-кут); название это придается углу у дверей, углу напротив печи и тому месту пред самою печью, где стряпают и которое отделяется иногда занавеской или перегородкой. За этой перегородкой наряжают к венцу жениха и невесту. В одной свадебной песне поется:

Во столовой новой горнице,

Как в кути, за занавеской,

Тут сидела красна девица.

Слово куток означает в народном словаре угол. Как с большим углом, так и с кутом одинаково связываются предания о домовом. Слово кут употребляется еще в значении дома, подобно словам огнище, дым. Так, у сербов существует название кутянин, однозначительное с названием доматин, то есть хозяин, владыка дома. Кутянин происходит от слова кутя (древнеславянское куща) - дом.

В переднем углу, как сказано выше, совершалось при закладке избы жертвоприношение; в нем зарывали черенки от того горшка, в котором переносились в новый дом горячие уголья с старого очага. От совершения таких обрядов передний угол в глазах язычника получил еще большую важность. Из одного источника с сейчас указанными поверьями образовались и следующие приметы, если трещит передний угол дома — трещит он к покойнику, если трещит задний угол, значит, выживается из дому кто-либо живой. Любопытно, что треск переднего угла бывает к покойнику, а домовый, по народному поверью, воем предвещает в семействе покойника.

После того как дом был выстроен, вся семья переходила на новоселье и переносила с собой священный огонь своего очага. Такое перенесение очага совершалось торжественно. Старший в роде выгребал из печи старого дома весь жар в чистый горшок и покрывал его скатертью, потом растворял дверь и, обратившись к заднему куту, призывал домового: «Милости просим, дедушка, на новое жилье». В новом доме встречали того, кто нес горшок, или, правильнее, самого домового, у растворенных ворот, с хлебом и солью. Принесенные уголья высыпали на очаг, горшок разбивали, а черепки его зарывали в переднем углу. Этот обряд оставался в обыкновении до позднейшего времени. При перенесении избы с одного места на другое совершался подобный же обряд; ночью, когда на небе высоко стоят стожары (созвездие плеяд), старший в семействе брал непочатый хлеб и с поклоном клал его на месте старого двора и произносил просьбу, чтоб домовый с хлебом, солью и довольством перешел на новое жилье. В некоторых местах до сих пор, при переселении в новый дом, прежде всего вносят в него икону, хлеб-соль или квашню с растворенным тестом, кошку, петуха и курицу, затем входит в избу семья, обращается к красному углу и молится. В этом последнем обычае замечается уже христианское влияние (перенесение иконы); тем не менее он важен, потому что подробности его указывают на прежний характер обрядового перехода на новоселье. Сверх того, участие здесь кошки, петуха и курицы — видимые остатки язычества. Петух — птица очага, и принесение ее служило символическим знаком перехода самого божества (домового) в новое жилище. Обряд этот даже намекает на совершившееся при перенесениях жертвоприношение этой птицы, подобно тому, как совершалось то же жертвоприношение при закладке дома. Кошку переносят собственно для домового, приговаривая: "Вот тебе, хозяин, мохнатый зверь на богатый двор». Поверья народные сохранили многие указания на связь кошки с печью, таковы: приметы о погоде, о гостях и др. Кроме петуха, при переходе на новоселье в жертву очагу (домовому) приносили хлеб-соль. Оттого до сих пор сохранился обычай посылать знакомым на новоселье большой хлеб и солонку, наполненную солью. Так как изба в языческие времена была первым храмом, а очаг — божеством, то, естественно, первыми служителями божества были те, которые обращались с очагом и его атрибутами, то есть топили печь и приготавливали пищу. Эти хозяйственные и вместе религиозные занятия принадлежали старшим в роде: они пользовались властью распоряжаться в доме и могли свободно приближаться к обожествленному огню. В первоначальном быту славян

старшинство в роде определяло и власть и почет; при таком устройстве понятно особенное уважение славян к старцам, которые соединяли в своих руках и власть правителей, и власть жрецов. Народные предания сохранили много свидетельств о богослужебном значении стариков и старух. Старинные песни приписывают заклятие жертвенных животных старцам; до сих пор еще старик обращается к морозу с овсяным киселем, при опахивании старуха ведет соху; при встрече весны старшая женщина держит хлеб и прочее. Хозяин, как слугитель очага, носил имя огнищанина; от хозяйки, по народной поговорке, должно пахнуть дымом.

Комментарии

Славония - современная Словения, входившая в состав Югославии.

Славяне фриульские - южнославянская народность, проживавшая на территории современной Италии (административная область Фриули-Венеция-Джулия).

Пассек Вадим Васильевич (1808-1842) - русский историк и этнограф, автор трудов "Путевые записки Вадима" (М., 1834), "Очерки России" (кн. 1-5, М., 1838-1842), где были собраны материалы по географии, истории, археологии, фольклору и этнографии народов России.

Славянин все представления свои облакал в патриархальные родственные формы: самые божества света являлись ему одною семьею:

Красно солнце - то хозяин в дому,

Светел месяц - то хозяйка в дому,

Часты звезды - то малы детушки.

Светлица делается холодною, без печи, с красными окнами; над потолком ее земли не насыпают. Здесь кладут у нас спать в первую ночь молодых. У других славян для новой четы пристраивают холодную клеть; для каждой семьи нужен особый угол.

Дымовник - труба, дымоволок - окно.

У истрийских славян на Иванов день кормят чурбак, а потом его бросают в огонь. Истрийские славяне - южнославянская народность, живущая на полуострове Истрия (территория современной Югославии и Италии).

Связь очага с идеей плодородия наглядно выражена в следующем обряде: в Малороссии во время сватовства невеста сидит у печи и колупает глину, выражая тем свое желание выйти замуж.

Еще до сих пор накануне Рождества вечером хозяин дома садится на покуте, с правой руки его жена, а вокруг дети - целою семьею съедают кутью из пшеницы или ячменя и взвар из сушеных плодов - яблок, груш и вишен.

Примета эта смешалась со свадебным обрядом бить посуду.

См. об этом в статье "Ведун и Ведьма" в альманахе "Комета", 1851, и в "Архиве г.Калачова (статья "Дедушка домового") - о голике, на который брызгают кровью петуха, и помеле, которым изгоняют чужого домового. В последнем издании смотри о других жертвенных обрядах в честь очага.

Все другие объяснения славянского гостеприимства - добродушием, желанием узнать новые сведения от бывшего человека и проч. - ничего не объясняют. Любопытно, что о гостях гадают по горящим в печи дровам.

Другие названия: домовник, постень, лизун, в Сибири - суседко, в Архангельске - хозяйнушка.

У финнов домовой представляется белой кошкой или белой женщиной, которая освящает собою всю избу... по поверью литовцев, домовой, будучи оскорблен, зажигает дом.

Шерсть сохраняет теплоту.

Сличите: если петух поет вечером в необыкновенное время, то надо снять его с нести и ощупать ноги: теплые ноги - к гостям, холодные - к покойнику.

В одной народной песне сказано:

Ах, вы петухи, петухи,

Петухи рано-певчие,

Вы пойте поутро рано,

На заре рано на утренней,

На всходимом красном солнышке.

Если у кур искривляются от болезни шеи, то, по поверью, вертит у них шеи домовой. В мифологиях других народов петух почитается выше всех животных, потому что первый восхваляет Бога, то есть восходящее солнце; когда петух перестанет петь - тогда наступит Страшный суд, потому что голос петуха уже не вызовет солнца и вселенною овладеет нечистая сила вечной тьмы.

Постель мертвеца, тотчас по смерти его, выносят в курник на три дня для отпевания петухов: пение петуха, прогоняющее нечистую силу, отстраняет зловредное влияние смерти (очищает).

Простолудин боится много говорить о домовом и никогда его не бранит. По народному представлению, домовой хотя и любит проказить, но отличается добротой. Если он полюбит дом, то служит хозяину и его семье, ровно в кабалу пошел. По ночам он смотрит за хозяйством и, расхаживая по двору, стучит и хлопает. Хочет ли домовой уведомить о чем хозяина, он толкает его и будит. Домовой более любит лошадей серых и вороных, а чаще обижает соловых и буланных. У нелюбимой лошади он отнимает корм, сбивает гриву колтуном, забивает ее под ясли, в подворотню и т.п.

Мясо петуха, надо думать, съедалось.

Припомним сказочное выражение: "избушка на курьих ножках".

В куту ставят на разостланной соломе кутью.

Литовцы для своих домовых зарывают по углам дома одежду.

В Белоруссии языческий обряд перед постройкою дома заменился христианским освящением первых трех или четырех венцов сруба. У болгар при закладке дома убивают какое-либо животное.

Подобный же обряд соблюдается при покупке лошади или коровы. Вводя вновь купленную скотину в стойло, кланяются низко, обращаясь к каждому из четырех углов хлева или стойла и

приговаривают: "Вот тебе, хозяин, мохнатый зверь; моего (или мою) такого-то (кличка скотины) люби, пой и корми". Ту веревку, на которой приведена купленная скотина в новый двор, вешают у кухонной печи.

Хлеб-соль - символ русского гостеприимства.